

УДК 81:32 + 81'24

СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С АГРЕССИВНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н.Н. Кошкарлова

Статья посвящена анализу способов речевого воздействия с агрессивным прагматическим потенциалом в межкультурном политическом пространстве. Материалом для исследования выбраны тексты политических интервью. В работе анализируются такие стратегии речевого воздействия, как угроза, оскорбление и упрёк.

Ключевые слова: речевое воздействие, межкультурное политическое пространство, угроза, оскорбление и упрёк.

Наиболее адекватный подход к анализу речевого воздействия сформулирован в отечественной психолингвистической школе, или в теории речевой деятельности. Положения о речевом воздействии, выработанные в данной теории становятся наиболее уместными при анализе текстов, функционирующих в межкультурном политическом пространстве. Термин *межкультурное политическое пространство* мы определяем как область взаимодействия субъекта, объекта и наблюдателя, представляющих разные национально-культурные сообщества, с неременной вербализацией средствами языка, реализацией в тех или иных жанрах политической коммуникации и различной модальностью как следствия напряжённого или толерантного отношения коммуникантов друг к другу.

В сфере политической коммуникации одним из самых продуктивных и традиционных диалогических жанров является интервью, для анализа которого мы считаем необходимым использовать принципы теории речевой деятельности. В соответствии с этой теорией речь обслуживает общение, в процессе которого коммуниканты, регулируя поведение друг друга, осуществляют своё сотрудничество для организации совместной деятельности. На наш взгляд, сотрудничество в процессе общения или речевое воздействие в ходе коммуникации осуществляется при помощи многочисленных способов, среди которых нам хотелось бы выделить следующие: 1) угроза; 2) оскорбление; 3) упрёк. Таким образом, в настоящем исследовании мы обращаемся к способам речевого воздействия, обладающим агрессивным прагматическим потенциалом, то есть функционирующим в рамках конфликтного дискурса. Конфликтный дискурс понимается как деструктивная деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения в конфликтной коммуникации,

речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание соответствующего поведения коммуникантов, в ходе чего происходит актуализация их национального и культурного опыта с установлением отношений определённой тональности (в случае конфликтного дискурса эти отношения будут носить деструктивный характер).

Угроза, оскорбление, упрёк представляют самостоятельные стратегии речевого воздействия (в нашем случае, в конфликтном дискурсе). Данные стратегии речевого поведения в конфликтном типе вербального поведения располагают определённым набором речевых тактик. Угроза, оскорбление, упрёк получают определённое воплощение на всех уровнях языка и порождают соответствующие речевые реакции. В рамках науки об эффективном общении важно изучение подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации.

В нашем понимании угроза представляет собой способ речевого воздействия, реализующий агрессивный потенциал при функционировании в рамках конфликтного дискурса. Принимая во внимание триаду, согласно которой конфликт является источником речевой агрессии (а та порождает коммуникативный конфликт), угроза может быть началом речевой агрессии, ответной реакцией на вербальную агрессию или эмоциональной реакцией.

Угроза как начало речевой агрессии имеет место в том случае, когда адресант желает добиться конечного результата через возбуждение страха у другого человека. Н.В. Хохлова [6] отмечает, что такое поведение может объясняться природной агрессивностью человека или исключительностью ситуации, в которой угроза представляется говорящему единственным эффективным способом достижения цели.

Угроза как защитная реакция имеет место тогда, когда адресант отвечает на физическое или вербальное действие, посягающее на интересы человека. По замечанию Н.В. Хохловой [6], в этом случае действует механизм психологической «самореабилитации»: большинство людей не хотят признать, что в том или ином случае ведут себя агрессивно, а оправдывают своё поведение и представляют его как обоснованное.

Угроза как эмоциональная реакция не связана с какими то ни было мыслительными операциями. В большинстве случаев подобный вид угрозы направлен на того, кто вообще не причастен к возникновению эмоций враждебности. Н.В. Хохлова [6] указывает, что эмоциональное напряжение в случаях подобного рода настолько велико, что говорящий забывает о неспособности слушающего воспринять его слова (например, животное или младенец).

Угроза как способ речевого воздействия по некоторым параметрам пересекается и сближается со схожими речевыми актами, несущими в себе агрессивный потенциал. К подобным речевым актам относятся: обещание, требование, предупреждение и сообщение. В.О. Мулькеева [4] все случаи

эксплицитного выражения угрозы разделяет на следующие группы: 1) угрозы с объявлением абстрактных последствий, не уточняющих их характер и серьезность опасности для адресата; 2) угрозы с обещанием применить физическую силу; 3) угрозы с использованием оскорбления; 4) угрозы с обещанием информировать третье лицо о каких-либо действиях адресата. Помимо случаев прямого выражения угрозы, данный способ речевого воздействия может быть представлен и косвенно. В.О. Мулькеева [4] способы косвенного оформления тактики угрозы классифицирует следующим образом: 1) демонстрация адресантом своего физического или морального превосходства над противником с целью его устрашения; 2) изменение субъекта речевого действия; 3) изменение конкретной референции на неопределённую; 4) использование вежливой формы, когда значение угрозы выявляется из контекста.

Не вызывает сомнения тот факт, что не все из перечисленных выше способов выражения угрозы как инструмента речевого воздействия имеют место в средствах массовой информации как сфере реализации конфликтного дискурса. Использование данного способа речевого воздействия зависит, по нашему мнению, от следующих условий: 1) уровень (или то, что в английской терминологии, называется «качество») издания, в котором работает журналист; 2) степень культуры и образованности самого репортера, которая несомненно откладывает отпечаток на использование работником редакции тех или иных коммуникативных стратегий и тактик; 3) использование определенных речевых стратегий и тактик ограничено уголовным наказанием, которое может стать следствием некорректного использования тех или иных лексических единиц при оценке действий определенных политических партий, группировок, государственных деятелей и т.д.

Как показывает анализ языкового материала, в современных средствах массовой информации наиболее часто используется не угроза, а предупреждение как способ речевого воздействия. Предупреждение, на наш взгляд, также может обладать некоторым агрессивным потенциалом, так как, по мнению Н.В. Хохловой [6], существует две разновидности данного речевого акта: этикетная и конфликтная. Семантические различия между двумя видами предупреждения автор видит в следующем: эмоциональное состояние автора этикетного предупреждения характеризуется нейтральностью; для автора конфликтного предупреждения первостепенным является карательное действие. Не вызывает сомнения тот факт, что современные политики не эксплицируют свои намерения наказать своих оппонентов за недостойное поведение на политической арене, однако предупреждение о возможных негативных последствиях для несогласных с проводимым главой государства курсом не лишено деструктивного и агрессивного начала. Так, например, в интервью тогда ещё Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина ведущему американского телеканала «Си-Эн-Эн» Лари Кингу (2 декабря 2010 г.) интервьюер так выразил своё отноше-

ние к попыткам американских коллег вмешаться или повлиять на процесс управления в нашей стране: *И когда мы говорим нашим американским коллегам о том, что есть системные проблемы в этой сфере, мы слышим: «Вы к нам не лезьте. У нас так сложилось, так и будет». Мы не лезем, но я хочу и нашим коллегам посоветовать: и вы к нам не лезьте. Это суверенный выбор российского народа. Российский народ сделал однозначный выбор в сторону демократии в начале 90-х годов. И с этого пути не свернет. В этом никто не должен сомневаться. В этом сама Россия заинтересована. И мы, безусловно, пойдём по этому пути [7].* В данном случае речевое воздействие на адресата и аудиторию осуществляется при помощи предупреждения в форме совета и одновременной уверенности в правильности выбранного курса и желания следовать намеченному плану. Таким образом, угроза и предупреждение как её разновидность являются способами речевого воздействия с целью побудить адресата выполнить определённое действие и представить ситуацию с возможными негативными последствиями в случае отказа выполнять установленные правила.

Перейдем к исследованию оскорбления, которое В.Г. Кусов [3] определяет как иллокутивный речевой акт, результатом которого является вынесение оценки о моральном поведении или даже проступке адресата. При оскорблении происходит понижение социального статуса адресата путем морального воздействия на его интеллектуальную деятельность. Оскорбление может реализовываться через следующие речевые акты: 1) совет; 2) угроза; 3) шантаж; 4) хамство; 5) недоверие.

Рассмотрим, каким образом осуществляется воздействие в каждом из перечисленных способов. Совет предполагает установление временной иерархической системы добровольного подчинения (в этом случае оскорбительным становится отсутствие возможности парировать неподходящие доводы адресанта, обладающего более высоким социальным статусом). В случае угрозы адресат морально подавлен и вынужден следовать указаниям адресанта (оскорбительно незаслуженное подавление интеллектуальной составляющей сознания адресата). Оскорбление при шантаже заключается в невозможности реализации своей свободы действия (оскорбительно незаслуженное лишение реализации своего права на свободу выбора действий). Хамство предполагает немотивированное нарушение правил общественной нравственности, выражающееся в сознательном пренебрежении нормативами речевого поведения (оскорбительным является направленность на пренебрежение общественностью значимостью правил поведения). Стратегия недоверия подается завуалировано, и ее смысл раскрывается через некоторое время, когда выясняются главные обстоятельства события, и адресат осознает свою социально-профессиональную несостоятельность (оскорбительно отсутствие правдивых объяснений и невозможность оправдать себя).

По нашим наблюдениям, в современных интервью при реализации оскорбления как способа речевого воздействия анализируемый агрессивный речевой акт может реализовываться в следующих значениях: 1) сам поступок, направленный на понижение социального статуса оппонента; 2) речевые средства, адресованные объекту оскорбления; 3) проявление враждебности против государства; 4) обида на какое-то действие, совершенное оппонентом (третьи лицом); 5) неудовлетворенность существующим положением дел; 6) оценка чьих-либо действий (констатация факта) как оскорбительных; 7) юридическая оценка того или иного события.

Рассмотрим приёмы семантизации описанных выше значений оскорбления как агрессивного речевого акта. Вероятнее всего, совершение поступка с целью понижения социального статуса оппонента (или третьего лица) в современных политических интервью проявляется уже в самом факте описания или характеристики действий адресата оскорбления как неадекватных, несоответствующих общепринятым нормам, противоречащих мировым стандартам. Поступок подобного рода в речевом плане проявляется в особом наборе языковых средств, которые деструктивно воздействуют на процесс коммуникации в анализируемой нами области человеческой деятельности. Так, например, еще на посту Президента России Владимир Путин в интервью американским журналистам [8], иллюстрируя положение о политике двойных стандартов, приводит в пример ситуацию с Зелимханом Яндарбиевым, включенным в список международных террористов и проживающего сейчас в Катаре. В. Путин так характеризует этого человека: *«И у нас есть примеры и сведения о том, что американские чиновники встречаются с людьми такого же сорта, с подонками»*.

Проявление враждебности против государства может не манифестироваться в особом наборе языковых средств в силу стремления глав государств к максимально толерантному общению и сохранению стабильных отношений между странами. Однако обида на действия того или иного государства, неудовлетворенность существующим положением дел может выражаться через особые синтаксические средства, обращение к журналистам как представителям своей державы, сравнением (не всегда в пользу адресата оскорбления) с другими государствами и цивилизациями. В интервью Владимира Путина журналу Time тогда еще Президент России так описывает проблему в отношениях между Россией и США: *«Но, во-первых, почему вы решили, что ваша цивилизация самая лучшая? Есть гораздо более древние цивилизации, чем американская. А во-вторых, нам тихо дают понять, на ухо шепчут: «Мы вас готовы принять, но вы имейте в виду, что у нас патриархальная семья, и мы здесь старшие, и вы нас слушаетесь»* [9]. Не вызывает сомнения тот факт, что различные значения оскорбления как агрессивного речевого акта не существуют разрозненно, а реализуются только в их совокупности и единстве. Мы полагаем, что проявление враждебности против государства, обида на какое-то действие оп-

понента или третьего лица, неудовлетворенность существующим положением дел, оценка чьих-либо действий как оскорбительных настолько близки в плане репертуара средств их семантизации, что иногда очень сложно провести грань между тем или иным значением оскорбительного речевого действия. В том же интервью Владимира Путина журналу Time интервьюируемый так характеризует представителей прессы (естественно, не называя конкретных имен): *Но должен Вам откровенно сказать, хотите – печатайте, хотите – нет, Вы и сами об этом знаете: есть люди, которые очень ангажированы, несмотря на всю свободу западной, в том числе американской прессы. Они просто отрабатывают деньги, которые им платят хозяева, и не хотят ссориться со своим начальством* [9].

По нашему мнению, юридическая оценка тех или иных действий как оскорбительных характерна лишь для интервью на специальные темы и крайне редко встречается в беседах по политическим и общественным проблемам, так как вопросы юридической практики – это прерогатива специалистов другого профиля.

Упрёк определяется А.Л. Фёдоровой [5] как косвенное выражение эмоционально-оценочного отношения говорящего к партнёру по коммуникации, обусловленное имевшим место в прошлом или наблюдаемым в момент акта коммуникации поведением собеседника, как не соответствующим обще- и частнокультурным морально-этическим представлениям и нормам, существующим в сознании представителей данного конкретного национально-лингво-культурного сообщества, так и выходящим за рамки индивидуальных представлений говорящего о должном и подобающем. Как показывает анализ языкового материала, упрёк представляет не только косвенное, но и прямое выражение эмоционально-оценочного отношения говорящего либо к партнёру по коммуникации, либо к самому себе. В последнем случае мы говорим о самоупрёке, когда субъект и объект оценки совпадает. Т.А. Давыдова [1] отмечает, что самоупрёк относится к одному из видов интериоризированных речевых действий, которые не требуют непосредственной словесной отдачи, а рассчитаны на психологическую реакцию со стороны другого лица. Причины, вызывающие упрёк и самоупрёк, могут быть различными. А.Л. Фёдорова [5] указывает, что упрёк обусловлен имевшим место в прошлом или наблюдаемым в момент акта коммуникации поведением собеседника, как не соответствующим общепринятым, частнокультурным, индивидуальным морально-этическим представлениям и нормам, существующим в сознании представителя данного конкретного национально-лингво-культурного сообщества. Самоупрёк вызывается следующими причинами: качества собственной личности, которые представляются субъекту неподобающими в той или иной ситуации; собственное действие/бездействие, повлекшее к созданию той или иной ситуации; раскаяние за совершенный поступок и желание изменить ситуацию в лучшую сторону.

Специфика организации процесса коммуникации в определённой лингвокультуре откладывает свой отпечаток на существование деструктивных форм общения. Принадлежность интервьюера и интервьюируемого к разным национально-лингво-культурным сообществам играет, на наш взгляд, важную роль при анализе упрёка как способа речевого воздействия. Различия в степени владения знаниями и представлениями у членов разных этно-социумов не может не отложить отпечаток на восприятие одной и той же ситуации партнёрами по коммуникации, принадлежащими к разной культуре. Как следствие – непонимание проблемы инокультурным партнёром и упрёк со стороны его собеседника. Так, например, в уже анализируемом интервью В.В. Путина журналу Time журналист интересуется у Президента России, может ли он повлиять на американские выборы (вопрос был задан уже ближе к середине интервью). В.В. Путин отвечает: *Я вижу, что Вы ничего не поняли. Принцип нашей работы заключается в том, что мы считаем вредным вмешиваться во внутренние дела других стран. Мы и себе не позволяем и не позволим вмешиваться, но и в дела других стран вмешиваться не собираемся* [9]. В другом месте этой же беседы на вопрос о месте России через 30–50 лет В. В. Путин упрекает журналиста за отказ от желания уйти от периода «холодной войны»: *Видите, Вы никак не можете, мы с вами никак не можем уйти от периода 'холодной войны и супердержавного мышления'* [9]. В данном случае упрёк выражен в вполне корректной и толерантной форме с использованием собирательного «мы».

Следовательно, диалогическое взаимодействие с агрессивным потенциалом упрёка партнёров различных национальностей характеризуется прагматическим и когнитивным очуждением, так как, по замечанию П.Н. Донца [2], основным дифференциальным свойством межкультурной коммуникации по отношению к обычной, внутрикультурной коммуникации выступает контакт с «чужим» – с «чужим» коммуникантом, текстом, кодом, ситуацией. Не вызывает сомнения тот факт, что последствия этого контакта будут иметь негативный характер в случае деструктивных форм взаимодействия. Прагматическое очуждение при диалогическом взаимодействии с агрессивным потенциалом упрёка проявляется в пониженной или завышенной оценке чуждых феноменов (в некоторых случаях одних и тех же феноменов, но рассмотренных представителями различных культур с присущей им точки зрения), когнитивное очуждение реализуется в неполном знании о чуждых феноменах (или нежелании иметь полное представление о тех или иных феноменах, универсальных для различных общностей).

Проанализированные нами случаи выражения угрозы, оскорбления и упрёка во многих случаях являются когнитивными маркированными, то есть они не выражены эксплицитно с помощью лексических, граммати-

ческих и других языковых показателей, что требует от исследователя дополнительных усилий при классификации тех или иных высказываний как деструктивных и обладающих агрессивным потенциалом.

Библиографический список

1. Давыдова, Т.А. Роль упрёка в межличностном общении / Т.А. Давыдова. – URL: <http://www.lingvomaster.ru>.
2. Донец, П.Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм: дис. ... д-ра филол. наук / П.Н. Донец. – Харьков, 2004. – 367 с.
3. Кусов, Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дис. ... канд. филол. наук / Г.В. Кусов. – Краснодар, 2004. – 245 с.
4. Мулькеева, В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: дис. ... канд. филол. наук / В.О. Мулькеева. – СПб., 2005. – 190 с.
5. Фёдорова, А.Л. Речевая стратегия упрёка: лингвокогнитивный подход (на материале немецкого, английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / А.Л. Фёдорова. – Уфа, 2004. – 187 с.
6. Хохлова, Н.В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Хохлова. – Самара, 2004. – 198 с.

Источники

7. Интервью Владимира Путина ведущему американского телеканала «Си-Эн-Эн» Ларри Кингу. – URL: <http://premier.gov.ru/events/news/13147/>.
8. Интервью Владимира Путина американским журналистам (20 сентября, 2003 г.). – URL: <http://www.newsru.com/world/29sep2003/inter.html>.
9. Интервью Владимира Путина журналу Time. – URL: <http://news.mail.ru/politics/1532465/>.

[К содержанию](#)